

A photograph of a Venetian canal. In the foreground, a stone ledge is partially submerged, with water splashing over it. Several gondolas are moored along the canal, their dark hulls and blue tarps visible. In the background, a green, ornate lantern stands on a post. The sky is a pale, hazy blue.

Наиль Муратов

ПСИХОПАТ

Наиль Н. Муратов

Психопат (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8485628

Психопат: Повести: Время; Москва; 2014
ISBN 978-5-9691-1248-3

Аннотация

Для дебюта в российском издательстве известный украинский писатель Наиль Муратов выбрал две очень разные повести – психологический триллер и остросюжетный «экшн». Впрочем, и общего у них много: туго закрученные интриги и, прямо скажем, нестандартные персонажи. Словно в компьютерной игре, читателю приходится проходить все более сложные уровни, на каждом из которых по-новому раскрываются личности героев – будь то нравственно ущербный психопат, юная взбалмошная дочь российского олигарха или молодой одесский поэт, влюбленный в замужнюю женщину. Развязки будут неожиданными.

Содержание

Психопат	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наиль Муратов

Психопат (сборник)

© Наиль Муратов, 2014

© «Время», 2014

* * *

Психопат

1

Дождь. Я знаю, это *мое* утро; день, начинающийся с шороха капель, с бледного сумрака, остужающего комнату. Бессонница превращает разум в горячую липкую кашу, в месиве которой мысли вязнут, так и не успевая созреть. Бессонница принадлежит ночи – вместилищу кошмаров, раздирающих на ошметки мой воспаленный мозг; оборотни тьмы не спят, они останавливают ток крови, оставляя в замкнутом пространстве комнаты пунктир невидимых глазу следов, и ты бьешься в судорогах, корчишься от бессилия, потому что не можешь унять вырвавшихся из чернильной темноты демонов – исчадий ада, заключенного внутри твоей собственной души. Но вакханалия утишается, чуткие уши незваных гостей уловили монотонный успокаивающий стук – вестник дождливого утра, когда просыпающийся инстинкт гонит меня наружу, в сырость и слякоть города, а сладостное предчувствие близости с незнакомой женщиной леденит разжижившуюся кровь. В зеркале, прилепившемся к дверце шкафа, холодное отражение рассвета тонет в искусственном свете люминесцентной лампы, а тень, скользнувшая по стек-

ду, – это моя тень, живущая отдельно от других теней, мечущихся в испуге по стенам и потолку. Сегодня – пиршество тварей, заселивших мой мозг, танец бестелесных гурманов, питающихся чужим испугом. Страх – это их десерт, лакомое блюдо, и они готовы вывернуться наизнанку, только бы не пропустить момент, когда страха становится так много, что он убивает сам себя. В такие мгновения интеллект перерождается, превращаясь в уникальное мыслящее устройство, созданное для решения одной-единственной задачи, на самом деле не подразумевающей решения. Это уравнение со множеством переменных и постоянных, имеющее только мнимые корни, оно сродни инструменту со множеством струн и колков, ждущему талантливого исполнителя. *В музыке дождя не должно быть фальшивых нот.* В его монотонном шуме – лейтмотив увертюры, звучавшей в отдаленной провинции моего сознания, в царстве изощренной и болезненной фантазии, превращающей в искусство то, что именуется криминальным деянием. Я – новая переменная, неопределенная величина, неизвестный фактор! Моя психика обострена шуршанием дождя и предчувствием предстоящей встречи с неизвестной женщиной. Где-то в недрах города любимая и одновременно ненавидимая мной незнакомка, наверное, уже пьет утренний кофе, глядя с неудовольствием на унылый пейзаж за окном. Ей еще нужно сделать макияж и множество других необходимых дел, пустяковых по сути, но так эффектно отличающих женщину от мужчины. Она

подавлена, плохо спала, да и погода не улучшает настроения, но, я уверен, чувство долга не позволит ей остаться дома. Пустота и страх, воцарившиеся в сердце незнакомки, предрешают нашу встречу, она неизбежна, и я жду ее, потому что ради этого и существую. Я – человек дождя, затаившийся в хрупкой скорлупе типовой квартиры, терпеливый как паук, как молчаливые артефакты Стоунхенджа.

В дождливые осенние дни на городское кладбище приходят по необходимости. Здесь никого не ждут: обитель усопших закрыта для новых захоронений, и траурные процессии с торжественной неторопливостью отправляются в другие районы. Дорожки, тропинки, проходы между ограждениями – это декорации, теснящиеся на сцене театра, принадлежащего мне одному. Я знаю здесь каждый памятник, каждую надгробную плиту, и фамилии незнакомых покойников навечно врезались в мою память.

Узкая щель между двумя оградами ведет к могиле, заросшей кустами сирени, она давно заброшена, ветхий навес не защищает ни от дождя, ни от ветра. Отсюда можно увидеть участок стены, огораживающей территорию кладбища, и узкую калитку – его черный ход. Вряд ли *она* пойдет через центральные ворота, но даже в таком случае я не смогу не заметить ее ладную фигурку на песчаной аллее. Спешить некуда, ожидание стало частью моей жизни, такой же приятной привычкой, как курение или прием амфетаминов. Время до

ее появления тянется так медленно, что я начинаю ощущать растущую в воздухе напряженность, турбулентное завихренное токов, подстегивающих воображение игольчатыми уколами. Я представляю, как *она* сворачивает в проход, ведущий к могиле мужа, протискивается между деревом и скамейкой, проходит возле двух постаментов с полуразвалившимися стелами и упирается в некогда белую, а ныне серую от грязи решетку, за которой скрывается каменная плита с высеченным на фронтоне крестом.

Сжимая в руке букетик гвоздик, я жду ее, женщину, дарованную мне судьбой, и знакомый силуэт возникает, наконец, из-за поворота в конце аллеи – *она* приходит, как и другие мои незнакомки, неожиданно. Из своего убежища я слежу за неспешным ее приближением, чувствуя, как тело мое растворяется в каплях дождя, и обманчивое ощущение невесомости заставляет сердце сладко замереть. Наше знакомство состоится скоро, в ту минуту, когда *она* с ханжеским лицемерием возложит цветы на могилу мужчины, имевшего несчастье называться ее мужем.

Женщина сворачивает с аллеи и проскальзывает в узкий проход между двумя рядами истерзанных временем оградок и памятников. Я не спешу: моей незнакомке уже некуда деться. Ее фигурка мелькнула среди решеток и деревьев и потерялась окончательно, но беспокоиться нет оснований. Я знаю дорогу к каменной плите, накрывшей последнюю обитель ее мужа, помню наизусть каждое высеченное на ней слово.

Они – обвинительный акт, брошенный на весы Фемиды.
Пора.

Она стоит, чуть сгорбившись, возле могилы, на которой уже успела разложить свои желтые розы, женщина лет тридцати трех – тридцати пяти, чье миловидное лицо я успел полюбить еще в тот день, когда траурная процессия сгрудилась возле ямы, которая отвоевала половину пространства внутри ограды, выкрашенной в белый цвет. Заплаканная, придавленная тяжестью утраты, тогда она не казалась такой привлекательной, как сейчас. Заметив незнакомого мужчину, женщина вздрагивает и пытливо меня оглядывает, но я не замечаю паники в ее глазах. Красные гвоздики в моей руке выглядят настолько успокаивающими, что она даже качает головой, как бы смеясь над собственным страхом. Кивнув в знак приветствия, я прохожу за решетку и аккуратно раскладываю цветы на могильной плите. Морщусь. Красные гвоздики, перемешанные с желтыми розами, – картина, лишенная эстетики, раздражающая взор.

– Вы были знакомы с Егором?

На этот естественный вопрос я не отвечаю, только вновь киваю. Нас разделяет не более десятка сантиметров; замерев у надгробной плиты, слегка сутулясь под мелким дождем, мы храним скорбное молчание. Я ощущаю, насколько близость этой женщины волнует меня, но торопиться не следует: пусть *она* начнет разговор первой.

– Вы были его другом?

– Нет, нас связывали деловые отношения.

Ей любопытно, я вижу, как она безуспешно пытается вспомнить мое лицо.

– Мы не знакомы?

– Познакомиться не привелось, но Егор рассказывал мне о вас.

– Как давно вы знали моего мужа?

– Встретились случайно, незадолго до его смерти. Он разыскивал специалиста, способного помочь в решении весьма щекотливой для него проблемы, и один из бывших моих клиентов вывел вашего мужа на меня.

– Ваша профессия – юрист?

– Мечтал им быть, но – увы! – не сложилось. К счастью, иногда удается помогать людям другими способами.

– Вы альтруист? – Легкая ирония, заключенная в вопросе, лишь подтверждает, что *она* умна, и это усиливает мое влечение к незнакомке. Альтруист ли я? или мизантроп? или тот и другой одновременно? Нет ни малейшего резона скрывать правду, и я отвечаю:

– В каком-то смысле да, альтруист. Но я люблю отдельных людей, а вот к человечеству в целом отношение сложное.

– Вы не оригинальны. – Ее замечание сопровождается быстрым взглядом, охватившим мое лицо, я чувствую растущий интерес незнакомки. – Но не следует забывать, что человечество состоит из отдельных людей!

– Да, конечно, но каждому в душу не заглянешь, вот в чем

проблема.

Она улыбается; здесь, в царстве усопших *она* уже не чувствует себя подавленной, присутствие незнакомого мужчины исподволь делает свое дело, пробуждая самый глубокий из спрятанных инстинктов – стремление нравиться и очаровывать – естественное желание женщины, обостренное чувством одиночества.

– Следует ли вообще заглядывать в чью-то душу? Насколько этично пытаться узнать о человеке нечто такое, что он не хочет открывать?

– Не знаю. Иногда случается так, что лучше знать, чем не знать, но для этого всегда должны быть свои причины.

– И вам действительно приходилось заглядывать в чужие души? – Тональность вопроса является скрытым приглашением к разговору, приятному для нас обоих, незнакомка выговаривает слова многозначительно, сопровождая их ободряющим взглядом.

– Приходилось, в меру моего разумения.

– Сложно понять другого человека?

– Сложнее всего понять себя самого... но, боюсь, вам это не покажется занимательным.

– Напротив, очень интересно. – Она оживлена. Беседа с незнакомцем, невесть откуда свалившимся на ее голову, не может показаться скучной женщине, выбитой из ритма жизни. – Мне кажется, что вы весьма необычный человек.

– Боюсь, разочарую, но я – обыкновенный трудоголик. На-

верное, такой же, как и ваш муж.

– Не знала его с этой стороны.

– Возможно, вы вообще мало его знали. Впрочем, это обычная история.

– Обычная?! Поверьте, за десять лет совместной жизни о человеке узнаешь все. Его привычки, иногда просто отвратительные, его самые мерзкие черты характера, и даже увлечения на стороне, которые он пытается скрыть так неумело, что они превращаются в секрет Полишинеля. Как вы понимаете, я говорю не о своем муже, у нас-то все было нормально, но ни одна из моих школьных подруг – а мы продолжаем дружить до сих пор – не сумела сохранить свой брак. Каждый мужчина на поверку оказывается ленивым слюнтяем, живущим исключительно в свое удовольствие.

– Тем не менее, ваш муж был иным, не так ли?

– У Егора хватало недостатков, и все-таки мы уживались мирно. Я – вовсе не мед и, понимая это, стараюсь относиться к мужчине толерантно, особенно если он что-то для меня значит.

– А Егор значил что-то?

– Разумеется, раз я вышла за него замуж. – Эти слова *она* произносит сердито: женщину злит, что собеседник не оправдывает ее ожиданий, ограничиваясь банальными вопросами, а я не тороплюсь раскрывать карты, мне хочется разговорить незнакомку перед тем, как высказаться самому.

– Я понимаю, что выгляжу назойливым, но мне интересно,

что вы сами думаете о своем браке?

– Он был вполне благополучным. Мы с Егором терпимо относились друг к другу, и это здорово облегчало совместную жизнь. Тяжелыми были последние месяцы: у мужа выявили неизлечимую болезнь, и он очень тяжело это переживал. Может быть, из-за этого и ушел так рано.

– Он сильно вас измучил?

– Такова женская доля – терпеть. Мужчины мнительны, куда мнительнее женщин. Когда им кажется, что они больны, они начинают терроризировать окружающих, и первой под обстрел попадает жена. – *Она* взглянула куда-то мимо меня, потом опустила глаза. – Интересно, почему я с вами так разоткровенничалась?

– Вы же видите, я – хороший слушатель, и мне не все равно, что вы скажете.

Было ясно, что ее первый порыв к общению угас; сейчас женщина, возможно, ругает себя за излишнюю откровенность с незнакомым мужчиной, не осознавая еще, что исповедоваться лучше тому, с кем не знакома. Я улыбаюсь ей ободряюще, потому что наш диалог не должен прерваться на полуслове: приближается минута, когда мне придется сообщить собеседнице шокирующую новость. Хочется, чтобы к этому моменту я полностью понимал эту женщину, чувствовал ее реакцию, иначе все мои усилия окажутся напрасными.

– Со мной беседовать легко, мы расстанемся и унесем наш

разговор с собой, каждый в свою сторону, в свою обособленную жизнь, и ничто из сказанного не всплывет ни среди друзей, ни среди врагов.

Молчание, фоном которого служит лишь шелест дождя; незнакомка задумалась, тщательно, словно на аналитических весах, взвешивая мои слова. Чувствую, что вызываю у нее почти болезненный интерес.

– Вы используете речь не так, как это делают в моем кругу. – *Она* по-прежнему не смотрит в мою сторону. – Вы – опасный человек, особенно для женщин.

Сумела ли она разглядеть вычурную сложность моего сознания, одинокого, заполненного компостом удивительных желаний? Ее слова можно толковать по-разному. Эта женщина притягивает, как магнит, и я понимаю, что готов сказать ей главное.

– Я опасен только для одной женщины – для *вас*, остальные меня не интересуют.

– Почему? – Мои слова ее совсем не пугают.

– Хочется понять вашего мужа. Он обратился ко мне незадолго до смерти с необычной просьбой.

– Так наша встреча не случайна?

– Она предначертана... но только не богом.

– Тогда дьяволом? – Судя по тонкой усмешке, незнакомка воспринимает происходящее как флирт, более того, она готова включиться в игру.

– Нет, вашим мужем.

Теперь она заинтересована всерьез, я ощущаю напряженное любопытство в голосе, когда она спрашивает:

– Что он хотел?

– *Чтобы я вас убил.*

Первый шаг сделан. Мое сознание обостряется, балансируя на грани умопомрачения. Словно в замедленной съемке, я наблюдаю за изменением выражения *ее* лица. Вот он, момент истины, точка невозврата, определяющая характер дальнейших отношений. Но *она* не верит, принимая мой ответ за розыгрыш.

– Если это шутка, то неудачная.

Ее взгляд приобретает пасмурный оттенок: я не оправдал ожиданий незнакомки, я кажусь ей слегка свихнувшимся парнем, по которому плачет городская психушка. Не остается ничего иного, как вытащить из кармана нож, и тусклый блеск стального лезвия вызывает привычную реакцию: женщина немедленно замирает, а ее глаза наполняются ужасом. Заточенный металл – лучший аргумент, подтверждающий серьезность моих намерений. Я не тороплюсь, давая *ей* время окончательно осознать серьезность положения; незнакомке нужны эти мгновения, растягивающиеся и наливающиеся страхом, она заполняется им, словно бассейн водой. Страх обездвиживает *ее*, лишая возможности сопротивляться, потому что эта женщина уже знакома с его парализующим эффектом, она не раз ощущала его раньше и внутренне готова покориться. Я испытываю удовлетворение от того,

что *она* такая, какой я и хотел ее видеть, и это делает ощущение близости еще более острым.

– Я... не понимаю.

На лице незнакомки смятение, но палачу не полагается жалеть свою жертву, и я отворачиваюсь, принимая отсутствующий вид. Мне нечего ей сказать: она еще не готова к диалогу с человеком, превратившимся из приятного собеседника в орудие возмездия. Томительное молчание. Способность мыслить понемногу возвращается к ней, и женщина задает главный вопрос:

– Но... почему?

– Вам это известно лучше, чем мне. Егор не делился со мной подробностями.

– У него не было причин для... такого сумасбродства.

– Думаю, были. Ваш муж не производил впечатления ненормального, и он точно вас ненавидел.

– Наш брак считался вполне удачным, у Егора не было оснований для ненависти. – Ее голос дрожит от обиды, незнакомка искренне верит в то, о чем говорит.

– Неважно, какими ваши отношения выглядели *снаружи*, главное – какими они были *внутри*. Сам Егор рассматривал себя как потерпевшую сторону.

– Из нас двоих потерпевшей стороной была я! – зло выкрикивает *она*, и я понимаю, что сейчас услышу, наконец, правду. – Моя жизнь с ним оказалась настоящим мучением.

– Только в последнее время! – уточняю я. Очень важно

показать незнакомке, что я знаю больше, чем говорю, иначе у нее опять появится соблазн лгать.

– Да, поначалу все шло хорошо. Три года как во сне, а потом резкое пробуждение. Егор изменился неожиданно, он перестал меня замечать, раздражался по малейшему поводу, а наш секс превратился в очень скучное мероприятие.

– Он мне говорил то же самое: вы перестали уделять ему внимание, были постоянно раздражены, да и в постели вели себя пассивно, чаще всего вообще отказываясь от близости.

– Да, у меня случались иногда головные боли, настолько невыносимые, что просто хотелось лежать и не шевелиться, но он этого совершенно не понимал. Он был тем еще жеребцом, а крутому парню не к лицу прислушиваться к просьбам жены оставить ее на некоторое время в покое. Я уверена, что заслуживала иного отношения, ведь на мне висела вся домашняя работа, в то время как мой драгоценный муж ничем себя не утруждал. В собственном доме я чувствовала себя невольницей, вечным изгоем, обязанным молчать и подчиняться. Но каплей, переполнившей чашу, стало то, что он завел любовницу.

– Почему вы так решили?

– Поверьте, женщины всегда ощущают такие вещи. Если ты столько времени провела с одним мужчиной, то знаешь все его мысли задолго до того, как они приходят ему в голову.

– Вы чувствовали умственное превосходство над мужем?

– Вовсе нет. Я просто понимала, какое это ленивое и ничемное существо. Впрочем, то же самое можно сказать о большинстве мужчин.

– Возможно, но разве умно было постоянно попрекать мужа, делать ему замечания в присутствии посторонних людей. Вряд ли это могло привести к укреплению брака.

– Он получал лишь то, что заслуживал.

– Егор так не считал. В разговоре со мной он подчеркивал, что вы сознательно его унижаете. Складывалось впечатление, что вы его просто ненавидите.

– Скорее, он ненавидел меня.

– Ошибаетесь. Мне показалось, он любил вас.

Она горько смеется: ей понятен скрытый смысл моих слов, но *она* не готова принять их на веру.

– Так любил, что не смог расстаться со мной даже на том свете? – Я чувствую ее возмущение. – Надумал прихватить с собой жену?

– Не знаю, но я ощущал, что ему не все равно. Меньше всего это напоминало равнодушие.

– Замечательно, когда мужчина *заказывает* женщину от избытка любви. Никакой другой характеристики уже не нужно. Скажите, как дорого обошлись Егору ваши услуги?

– Не могу сказать – коммерческая тайна!

– Итак, он заплатил кучу денег неизвестному человеку, зная, что умирает. Он представлял себе, во сколько обойдутся его похороны? На что я буду жить?

– Ваш муж не ломал над этим голову, его интересовало только свершение правосудия.

– Действительно, зачем забивать голову такими мелочами, как, например, то, чем будет питаться его сын?

– Это отдельная тема. О мальчике должны были позаботиться родители Егора. Он не сомневался, что вы настроиваете сына против него.

– Послушайте, мне совсем не хотелось, чтобы ребенок вырос таким же бесхребетным, как его отец.

Поселившийся в ее взгляде страх скукожился до размеров пылинки, уступив место убежденности в собственной правоте. Нельзя позволить ей остаться в таком состоянии, и я обрываю диалог:

– Пожалуй, мы слишком разговорились.

– Это плохо? – с вызовом спрашивает она.

– Нет, не плохо, но не нужно забывать, что работа у меня сдельная, а не почасовая.

– Вы так спокойно об этом говорите.

– Привык. Без сарказма в нашем ремесле делать нечего. – Я беру ее под локоть и подталкиваю, принуждая выйти из оградки. – Придется нам прогуляться в более удобное место.

Она бледнеет, понимая, куда мы направляемся. Хватается рукой за один из металлических прутьев оградки. Мой нож рассекает воздух всего в сантиметре от ее пальцев, заставляя женщину вскрикнуть. К ней вновь возвращается страх.

– Советую не сопротивляться. – Мой голос спокоен и убе-

дителен. – Иначе расстанетесь со своими пальчиками.

Теперь она покорно вышагивает рядом со мной по узкой дорожке, ведущей вглубь участка. Ощущаю, как дрожит ее локоть. Неожиданно незнакомка останавливается: в нескольких десятках метров от нас меж могилами молчит согбенная фигура, плохо различимая в сумраке дождливого утра. Бомж. Я улыбаюсь своей спутнице:

– Можете обратиться к нему за спасением.

– И это поможет? – Ее ирония на фоне смертельного испуга мне нравится.

– Нет, местная публика очень осторожна. Бомж может проследить за нами, но вмешиваться не станет.

– И все же я попробую. – Она набирает в легкие воздуха, собираясь крикнуть. Зажимаю ее рот ладонью.

– Глупо! Играете мне на руку: проследив за нами, он дождется моего ухода, а затем займется вами, вернее, вашим бездыханным телом.

Ее глаза наполняются ужасом. Она задает вопрос, заранее зная ответ:

– Чем он со мной займется?

– Тем, чего давно лишен, – любовью. Это снимет с меня всякие подозрения.

Мы приходим, наконец, туда, где по моей версии должно свершиться возмездие, а по мнению незнакомки – акт вопиющей несправедливости. Самодельным ключом открываю дверь в полуслепое каменное строение, скрывающее по-

нижающий трансформатор. В помещении сухо и достаточно тепло, низкое гудение, идущее из-за решетки, отгородившей половину комнаты, звучит успокаивающе. Света, просочившегося сквозь вентиляционную решетку, недостаточно, зажигаю принесенную с собой свечу.

– Это за упокой моей души?

Незнакомка нравится мне все больше и больше; находясь рядом с такой женщиной, можно не опасаться, что общение окажется скучным. Впрочем, подобные мысли следует гнать из головы вон, если не хочешь остаток жизни провести за решеткой. Пытаюсь разглядеть ее глаза, кажущиеся в сумраке темными провалами на белом лице. Женщина замирает, прислонившись к стене, затем восклицает:

– Послушайте, это какой-то бред! У вас нет причин меня ненавидеть.

– С чего вы взяли, что я вас ненавижу?

– Потому что хотите меня убить!

– Что делать: заказ оплачен.

– Давайте просто разойдемся и забудем про ваш заказ.

– Вы не понимаете... это невозможно.

– Почему? Заказчик умер. Деньги получены. Никто ничего не узнает.

– Дело в профессиональной этике. Нельзя обмануть самого себя.

– Ну хорошо, поговорим иначе. У меня, как вы сами понимаете, не осталось никаких сбережений – Егор позаботился

об этом, – поэтому я не могу предложить вам ничего, кроме самой себя. Я вам симпатична?

– Да.

– Хотите меня?

Она пришла к тому же, к чему приходят все женщины. Каждая из них искренне считает себя ценным призом, к обладанию которым стремится любой мужчина.

– Откуда вы знаете, что я вас не обману?

– У меня нет выбора. Остается только рисковать.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Мой неуверенный ответ придает незнакомке смелости. Расстегнув пуговицы на плаще, она просовывает руку под свитер и расстегивает змейку на моих брюках. Я ощущаю прикосновение ее ледяных пальцев, добравшихся до цели, их холод вызывает озноб. Но у озноба есть и иная причина, и женщина, почувствовавшая мое возбуждение, облегченно вздыхает.

– Ну вот, все хорошо! – Ее голос так нежен, будто она обращается к своему ребенку, но это иллюзия, *стокгольмский синдром*, на самом деле она меня ненавидит. Как ни странно, это лишь прибавляет желания, и незнакомка, ощутив его, наклоняется. Ее язык касается крайней плоти – момент, с которого, как ей кажется, начинается освобождение. Обеими руками отвожу ее голову и пытаюсь что-то разглядеть на лице, гротескном при таком освещении.

– Нет! – Становится легче. Незнакомка чуть не вывела меня из игры, хотя и не нарушала ее правил.

Она недоумевает:

– Я вам не нравлюсь?

– Нравитесь. Но давайте повременим с *этим!* Думаю, вы так и не поняли, почему Егор решил прибегнуть к услугам профессионала.

– Да он просто сошел с ума! – Упоминание о муже вновь приводит ее в бешенство. – Я не давала ему повода для столь неуместной ненависти. У нас случались бытовые ссоры, но за это ведь не убивают, правда? Не могу понять мужа, хотя еще недавно считала, что знаю его.

– Как видите, он оказался личностью более сложной, чем вам представлялось. Кстати, в отличие от вас, я ему сочувствую. Кому понравится, если его жена заводит любовников!

Молчание. Самый важный момент, когда незнакомке нужно определиться, что говорить дальше, новая точка отсчета, переводящая нас в иную систему координат. *Она* делает ход первой, в ее вопросе – возмущение:

– С чего он это взял? Какие любовники?

– По меньшей мере, двое. Один из них – постоянный, другой, похоже, случайный. Егор не очень охотно об этом рассказывал.

– Он ошибался. Любовницы были у него.

– Но, согласитесь, не в последний год жизни!

– В последний год жизни он был уже никому не нужен. –

Она почти кричит. – Понимаете, никому!

– Да, даже вам.

– Когда муж заболел, я свои обязанности по отношению к нему исполняла честно, и чем он отплатил?

– Егор все время подчеркивал, что ваша неверность убивает его куда сильнее, чем болезнь. Особенно, когда ему удалось выяснить личность вашего... партнера.

Незнакомка отвернулась и как-то обмякла: слово «партнер» оказалось роковым. Мое восприятие обострилось настолько, что я почти осязаю ее отчаяние. Чувствую, как она напряглась, как мучительно ищет нужные слова, не важно, правдивые или лживые, главное, чтобы они соответствовали логике разыгрываемой ею комедии. Я не должен позволить их произнести и потому задаю вопрос первым:

– Скажите, они что-то дали вам, отношения с другими мужчинами? Вы чувствовали себя неотразимой?

– Чувствовала себя любимой! – глухо произносит она. – Но любовь оказалась очередной иллюзией. Имитацией чувства.

– Я вас понимаю. Имитировать любовь проще, чем чувствовать ее. Мне кажется порой, что люди, любящие друг друга по-настоящему, уже перевелись.

– Это особенно характерно для мужчин. Женщина нужна вам либо для развлечения, либо в качестве уборщицы или кухарки. Как видите, выбор у нас невелик – два типа мужчин, два типа отношений. – Она придвигается ближе, ее тон смягчается. – К какому из них относите себя вы?

– К первому!

– Позвольте усомниться! Мне кажется, что *вы* способны влюбиться в женщину по-настоящему.

Не имеет значения, говорит она искренне или пытается обольстить меня, рассчитывая на снисхождение. Ее удар поразительно точен, он попадает в незащищенное место. Приходится обороняться:

– А вы что, заводя любовника, рассчитывали на настоящее чувство? Кстати, Егору удалось установить личность своего соперника. Ваш муж был шокирован.

Оказался ли мой ответный выпад удачным? Незнакомка молчит, пытаюсь затаиться в тонкой, но удивительно прочной скорлупе отчуждения, что защищает любую женщину в скользких ситуациях. В разыгрываемой нами партии есть свой темп, и нельзя давать *ей* возможность сбить меня с него, пора перейти к прямым обвинениям:

– Уверен, вы шли на флирт, не испытывая никаких иных чувств, кроме желания отомстить мужу. Выбор любовника говорит сам за себя.

– Не знаю, наверное, в чем-то вы правы. Тогда я не задумывалась над этим, но сейчас понимаю, что так оно и было. – Она говорит правду, с этого момента между нами – полная откровенность.

– Вадим был другом Егора со школьных лет, а в последние годы стал компаньоном в бизнесе. Возможно, поначалу мне действительно хотелось завести легкий роман, досадить мужу, наставив ему рога, но беда в том, что у меня легких от-

ношений с мужчинами не бывает. – Слышу ее горький смешок. – С вами в том числе.

– Вы *влюбились* в Вадима?

– Да, и в этом проблема любой женщины, вступающей в интимную связь с мужчиной. Нас даже не нужно обманывать, мы с восторгом примем самую откровенную ложь за чистую монету. Такова женская природа, с ней ничего нельзя поделать.

– Он был, конечно, женат?

– Да, и при жизни Егора у нас не возникало проблем. Вадим умел любить красиво, любить так, что я готова была потерять голову.

– А потом? Что случилось после того, как ваш муж умер?

– А ничего не случилось! Понимаете, вообще ничего! Я очень нуждалась в поддержке, но не получила даже намек на нее, наоборот, Вадим начал меня избегать, а когда мне удалось-таки выследить его, мой любовник любезно расставил все точки над «i». До этого он постоянно жаловался мне на жену, рассказывал, насколько неудачным оказался его брак, но когда случай дал ему возможность радикально изменить свою жизнь, он оказался к этому не готов.

– Радикально изменить жизнь – развестись с женой и жениться на вас?

– Да, ведь ранее Вадим не уставал повторять, что хотел бы постоянно видеть меня рядом с собой. Его останавливало лишь то, что я была женой друга, а дружбу он не мог предать.

– Знаете, подобные аргументы есть в арсенале любого мужчины, они никогда не дают осечку.

– Понимаю, но в то блаженное время все представлялось мне в розовом свете. А вам тоже приходилось обманывать женщин?

– Хуже, мне приходилось их убивать. Вы же понимаете: нет смысла обманывать женщину, если собираешься отправить ее на тот свет.

Мои слова достигают цели: *она* замолкает, затем, страшась ответа, спрашивает:

– Вы хотите сказать, что убьете меня? Неужели я не заслуживаю снисхождения?

– Не знаю, я ведь не судья, а только исполнитель.

– Мне показалось, что между нами... что-то возникло.

– Что именно?

– Какое-то взаимопонимание. В вас есть то, чего я никогда не наблюдала в других мужчинах. Вы искренни. Странно, что такой чистый человек занимается столь грязной работой.

– Надо же как-то жить. Да и работа не особо грязная – обычно не приходится разговаривать с человеком, являющимся твоей мишенью. Люди, за смерть которых заплачены деньги, чаще всего симпатий не вызывают, и моя совесть остается чистой.

– А как вы относитесь ко мне?

– Хочу понять вас, но не могу. С моей точки зрения, вы виновны и не заслуживаете снисхождения. Но... я могу оши-

баться.

– Вы ошибаетесь, не сомневайтесь. – Ее рука, вновь скользнувшая под мой свитер, прошла по спине, вызывая сладостное оцепенение. – Разве я не являюсь пострадавшей стороной?

– Возможно, но что это меняет? Вы сделали жизнь мужа совершенно невыносимой, наставляя ему рога с близким другом. Согласитесь, у Егора было право на месть.

– Это какой-то бред! В наше время не убивают женщин за измену.

– Только потому, что измельчавшие мужчины начали воспринимать рога как украшение. На мой взгляд, это ненормально!

– А убить женщину – нормально?!

– Во все времена мщение являлось делом чести, особенно для обманутого мужа. Почему *для вас* должно быть сделано исключение?

– Господи, да вы просто сумасшедший!

Ее слова проникают в мой мозг и, подобно соку цикуты, растекаются по бесчисленным его капиллярам; с каждым новым толчком сердца я ощущаю ядовитую горечь, растекающуюся в моей душе. Бешенство, таившееся во мне, как в колоде, вырывается наружу, притекая к пальцам, сжимающим рукоятку ножа, но я понимаю, что любое мое движение неизбежно приведет к поражению.

Поведение незнакомки удивляет: ее рука медленно пере-

мещается вниз, застывая время от времени на моем бедре. Чувствую, как брюки, направляемые ее тонкими пальцами, опускаются ниже. Что она хочет сделать? Бесстыдная нежность женщины обманывает меня: готовясь мягко отстранить ее, ощущаю пронзительную боль в солнечном сплетении. Вслед за болью приходит горькое осознание того, что она все время готовила этот удар. Незнакомка мчится к выходу из помещения, понимая, что со спущенными брюками за ней не угнаться. Пока я прихожу в себя, *она* поворачивает ключ, оставленный мной в замке, но дверь не открывается. Незнакомка толкает ее, бьет кулаками по металлу. Восстановив дыхание, направляюсь к ней; развернувшись, *она* следит за моим приближением, зажав меж пальцев правой руки маленький кусок металла, чуть не выведший меня из игры.

– Не подходи! – кричит она.

– Отлично, мы, наконец, перешли на «ты».

Делаю шаг вперед; знакомка пытается попасть ключом мне в глаз, но он лишь скользит по щеке, царапая кожу, и это так возбуждает, что я не ощущаю боли. Ловлю запястье женщины и легко отвожу ее руку назад, поражаясь собственной силе. Моя противница замирает, но это только пауза, затишье перед новой атакой – *она* не сломлена, *она* просто выжидает.

– Интересно, почему ты предпочла *такой* способ общения? – Скудная, невыразительная интонация моего голоса составляет жуткий контраст с ее частым дыханием, что пу-

гает незнакомку больше, чем нож. – Ты все испортила!

Она молчит; осознание бессилия перед превосходящей силой парализует женщину, она замирает, понимая, что сейчас над ней будет совершено насилие. Она пытается высвободить руку, но моя цепкая хватка не позволяет ей этого. *Она* все больше нравится мне, я ощущаю такое желание, что начинаю дрожать, и эта дрожь странным образом передается *ей*. Еще одна робкая попытка вырваться, я делаю шаг вперед, и притиснутая к полотну двери женщина замирает. Слышу, как тяжело она дышит, сдаваясь окончательно. Сдираю с нее плащ – теперь можно позволить себе быть грубым! – и разворачиваю лицом к стене. Она царапает штукатурку ногтями, словно пытаюсь за нее зацепиться. Задрав юбку и приспустив колготы, я ощущаю под рукой тугие ягодицы. Желание настолько переполняет меня, что, кажется, еще чуть-чуть, и мое тело лопнет, взорвавшись изнутри. Кладу вторую руку на *ее* бедро, сразу покрывшееся мурашками, потом делаю шаг назад, но женщина не шевелится, оставаясь стоять, упершись руками в стену, и я вновь приближаюсь к ней, наклоняю ее ниже. А дальше все получается само собой...

Ощущение покоя и одновременно ожидания, когда желание уже удовлетворено, но демоны, тревожившие меня с ночи, не утихомирились, потому что так и не получили ответа на главный вопрос. Этот вопрос не дает мне покоя с выпускного класса, с того трагического вечера, когда свидание с одноклассницей закончилось для меня тюремной камерой.

Почему *она* посмеялась надо мной, влюбленным в нее мальчишкой, ведь я готов был поклясться, что наш интерес был взаимным. Но когда я попробовал поцеловать ее, она холодно отстранилась. Призналась, что давно встречается с другим парнем, правда они неделю как поссорились, и ей захотелось ему досадить. Я сказал, что это не имеет значения, я прощаю ее, но в ответ прозвучал такой высокомерный смех, что разум мой словно помутился. Нет, я не насиловал ее, только тряс, как безвольную куклу, и бил по щекам, чтобы она вымолвила хоть слово, а она всхлипывала и ничего не говорила, словно издеваясь надо мной, словно не понимая, что своим безразличием сводит меня с ума. В психбольнице меня поместили вместе с сумасшедшими, и то, что я пережил, сделало меня таким, какой я есть. *Инсулиновый шок!* Раз за разом, неделя за неделей. И садист-доктор, пытающийся разодрать мое сознание надвое. Но я выжил, я обманул их всех и теперь стою возле женщины, ставшей мне такой близкой, такой желанной, стою, тревожась, потому что не знаю, что меня ждет.

Набрасываю на незнакомку плащ; она успела привести себя в порядок и теперь, одетая, повернулась ко мне, она выжидает, опираясь спиной на стену и внимательно за мной наблюдая, *она* понимает, что впереди – главные испытания. Достаяю нож и делаю шаг к женщине, тело которой оказалось таким завораживающе упругим, а она начинает выть грудным голосом, и кажется, что этот неестественный звук рож-

дается не здесь, что он возник снаружи, в многочисленных кавернах, скрытых под могильными плитами, а сюда доносится только его отдаленное эхо.

– Успокойся, я тебя не трону! – Она не верит моему доверительному тону, ее взгляд прикован к лезвию ножа.

– Да говорю же, ничего тебе не сделаю!

Иногда раздражение оказывается более эффективным – вой прекращается.

– Убери нож! – Ее просьба звучит как приказ.

– Он пока нужен.

– Для чего? Проткнуть меня?

– Я не собирался тебя убивать. Подумай сама, зачем мне это?

– Чтобы отработать деньги, заплаченные моим мужем. Ты проникся к нему таким сочувствием, что вознамерился со мной расправиться, хотя Егор заслуживал подобной участи не меньше, чем я. Вот она, тупая мужская солидарность! Самцы ни о чем никогда не задумываются, потому что привыкли жить в свое удовольствие.

Закончив тираду, она начинает плакать, плечи незнакомки дрожат, и я чувствую, что люблю ее. Завоевать доверие плачущей женщины непросто, но я делаю первый шаг, сообщая ей правду:

– Егор мне ничего не поручал. Я вообще не был с ним знаком.

Молчание. Она обдумывает мои слова, но не может в них

поверить. Решительно заявляет:

– Не говори глупостей! Разумеется, ты был с ним знаком, раз он тебе заплатил. А он заплатил, иначе, откуда бы ты все о нас знал?

Меня потрясает отсутствие логики в ее словах.

– Как он мог мне заплатить, если я никогда не видел его живым?! Имя Егора я прочел на траурных лентах.

– Тогда откуда тебе известно о Вадиме? Кто, кроме мужа, мог нас выследить?

– Вас вообще никто не выслеживал. Об отношениях с Вадимом я узнал от тебя, ты сама мне все рассказала, я ведь не называл его имени, не так ли? Мне просто пришло в голову, что у такой привлекательной и умной женщины, да еще живущей в разладе с мужем, не могло не быть любовника.

– Но ты говорил так уверенно...

Она задумывается, и ее мысли начинают, наконец, течь в правильном направлении. Меня вновь начинает колотить дрожь – развязка приближается. Она зло бросает:

– Ты – кусок дерьма! Разыграл целый спектакль! Чего ты хотел добиться?

– Пытался лучше узнать тебя. Разве со мной ты не была *настоящей*? Не с мужем, не с любовником, а именно со мной!

Она прекрасно понимает, о чем я говорю, и надолго умолкает. Я все еще дрожу, холод пробирает тело до костей, он убивает меня, морозный поток, струящийся прямо с неба.

Она наблюдает за мной с любопытством, как за нанизанным на булавку насекомым.

– Так я тебе нравлюсь! – Это не вопрос, а утверждение, и ответа не требуется. – Бедное свихнувшееся чудовище! Может быть, ты вообще не киллер?

– Нет, я не убийца. От вида крови мне становится плохо.

– Тогда зачем тебе нож?

– Для убедительности. Он должен был сыграть свою роль – придать моим словам больше веса.

– Он-то придал, но для чего *ты* все это затеял? Тебе нравится женщина, и ты разыгрываешь целый спектакль, когда надо всего лишь представиться, подарить цветы или придумать что-то другое, но только не совершать насилие! Ты – настоящий маньяк! – Она выговаривает слова медленно, накапливая ярость, она ненавидит меня. – У каждого человека есть свои тайны, у меня в том числе, и тебе не следовало совать в них свой нос! Что ты хотел выяснить? Что я не была верна мужу? Отлично, теперь тебе это известно, и что дальше?

Она так ничего и не поняла. Она мне нравится, но это не главное. Если бы я хотел только познакомиться, то не вел бы себя так неуклюже и нелепо, нет, она ничего не поняла! Я готов полюбить ее, но не отягощенную ненавистью, легшую тяжким бременем на ее плечи. Она нужна мне, я ощущаю свой голод, свою страсть, дикое свое желание, но она нужна мне другой – очищенной, прошедшей сквозь осозна-

ние собственной вины.

– Думаю, ты должна покаяться.

– Что?! Ты сошел с ума! Мне не в чем каяться перед *тобой!* Ты мне не муж, не любовник, вообще *никто*.

Ее слова ранят так больно, будто их наносят ланцетом прямо на мой обнаженный мозг. Начинаю ощущать неосуществимость того, на что надеялся. Между нами так и не возникло близости, она никогда не сможет понять меня, эта женщина, отвечающая агрессией на насилие, так и не осознавшая, что насилие являлось одновременно актом очищения. Повторяю устало, ощущая полную безнадежность своих усилий:

– Ты *должна* покаяться! Если кто-то кается в своих грехах, они прощаются. Главное, чтобы это делалось искренне.

– Ты – священник? Свихнувшийся поп? Может быть, возомнил себя равным Богу? У тебя есть сертификат с мокрой печатью на право вершить чужие судьбы?

Незнакомка не скрывает ненависти, она виновна по определению, виновна с того момента, когда еще только родилась. Я не нужен ей, а она не нужна мне. Вглядываюсь в ее лицо, искаженное от бешенства, пытаюсь вызвать в себе ответную реакцию, но женщина по-прежнему кажется мне привлекательной. Терпеливо объясняю:

– Попробуй рассуждать здраво. Все, что я делал, было для твоей же пользы. – Моему голосу не хватает убедительности, потому что я близок к состоянию, граничащему с отчаяни-

ем. Все мои усилия бесполезны: она молчит, уставившись на нож. Лезвие его колеблется, строго в такт дрожанию моей руки. Слышу свистящее дыхание незнакомки; вид стали, пляшущей в свете свечи, завораживает, и женщине вновь становится страшно.

– Можешь ничего не бояться, я не причиню тебе вреда.

Она не произносит ни слова. Вкладываю нож в ее ладонь: тонкие пальцы судорожно стискивают рукоятку, но *она* пока не осознает, что уже вооружена.

– Как видишь, теперь все козыри у тебя.

– Зачем ты это делаешь?

– Женскую логику трудно понять. Если нож тебе не нужен, можешь вернуть его.

Быстрым движением она выставляет руку вперед, чуть не коснувшись меня лезвием. Пробую ее успокоить:

– Теперь моя жизнь в твоих руках. Поверь, я не врал, когда говорил, что не собираюсь убивать тебя. Ты мне нравишься, но, к сожалению, это не имеет для тебя значения. Ты всегда выбирала не тех мужчин.

– Я выбирала их сама, без принуждения, слышишь, подонок?!

– Ладно, пора с этим заканчивать – мы ведь уже не можем расстаться просто так. Я пытался быть тебе судьей, но, как видишь, ничего путного не получилось. Теперь твоя очередь. Убедись сама, насколько легко убить человека, если ненавидишь его.

Нож в руке незнакомки, по-прежнему направленный в мою грудь, начинает мелко-мелко дрожать: она понимает наконец, что может ответить насилием на насилие. Моя ладонь накрывает пальцы, обнимающие рукоятку ножа; возбуждение женщины излучается волнами жара, его пульсации передаются моему заиндевевшему телу.

– Итак, каков приговор? Ты готова простить меня, как я тебя простил?

– Я тебя ненавижу, сумасшедший ублюдок! – Страсть в ее словах неподдельна, но незнакомка по-прежнему колеблется.

– Если ты хочешь, чтобы я исчез из твоей жизни, решайся! Подумай, ведь нет никакой гарантии, что мы не увидимся вновь! Я буду искать встречи, потому что ты нравишься мне, потому что знаю, какой ты могла бы стать. Тебе нужно толь...

Незнакомка делает быстрое движение, и нож легко вонзается в мое тело, я ощущаю как его сталь, проколов кожу, рассекает мышцу грудины. Она пытается вытянуть лезвие, но мне удается удержать рукоятку ножа.

– Если ты вытащишь его, тебя забрызгает кровью!

Отдернув руку, она делает шаг назад. Единственный звук в помещении – ее частое дыхание.

– Это – правильный выбор! Убить легче, чем покаяться. – Мой голос слабеет, чувствую, как кровь теплой струйкой начинает вытекать из раны. – Теперь ты свободна!

Она делает шаг ко мне, но останавливается.

– Лучше уходи. Здесь нет твоих следов, тебя никто не будет искать. Типичное самоубийство!

– Я вызову «скорую»! – Она достает мобильник, но я останавливаю ее:

– Нет смысла! Мне она не поможет, а ты получишь срок за убийство. Никто не будет разбираться в том, что случилось, поверь! Иди домой, воспитывай сына и вычеркни все из памяти!

– Почему ты позволил мне *это сделать*?

– По глупости. Хотел что-то доказать, только не знаю кому – себе или тебе.

– Что именно?

– Что тебе все же есть в чем каяться – ты оказалась способной убить единственного человека, готового пожертвовать ради тебя жизнью. Других желающих нет и, скорее всего, никогда не будет. – Мой язык начинает заплетаться, я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. – А теперь иди, дальше – ничего интересного. Дверь просела, когда будешь открывать, тяни ручку вверх.

Она уходит, а я остаюсь, борясь с подступившей слабостью и тошнотой. Рана саднит, нет смысла удерживать в ней нож, теперь уже бесполезный. Отбросив его, достаю из кармана плаща приготовленный заранее пакет с медицинскими принадлежностями. Получить заражение крови было бы глупостью, и я, задрвав свитер, обрабатываю рану салфеткой,

смоченной перекисью водорода. Терпеливо жду, когда кровотечение прекратится, затем накладываю бактерицидный пластырь. Оттираю кровь с груди и живота, к счастью, ее не так много. Меня мутит, но самочувствие постепенно улучшается, я достаю из внутреннего кармана плоскую фляжку с коньяком и делаю глоток, потом другой. Чувствую опустошенность – женщина выпила всю мою энергию, не дав ничего взамен.

Пожалуй, пора встать и идти, силы мои восстановились настолько, что я смогу добраться до дома. Поднимаю нож и, отведя двумя пальцами лезвие до упора назад, фиксирую его кнопкой. Теперь из рукоятки торчит только окончание острия, сантиметра два, не более. Этот нож – бутафорское оружие с врожденным дефектом, им нельзя убить, но можно поранить.

За дверью – свет, тусклый день, сырость. Иду дорожкой, по которой получасом ранее прошла женщина, частично ставшая моей. В ее сознании я – осевшее на пол тело с ножом в груди, человек, бывший мертвым еще при жизни. Она никогда не забудет этот день, это странное дождливое утро. Она никогда никому о нем не расскажет. Мы не встретимся случайно на улице, потому что живем в непересекающихся мирах, но даже если это случится, не узнаем друг друга. Самым большим желанием незнакомки будет желание вернуться в сегодняшнее утро и все переиначить по-своему, сказать мне какие-то другие слова, которые не привели бы

в итоге к смертельному удару ножом. Это и будет ее покаяние, и на большее я не могу рассчитывать. Когда-то, начитавшись Дюрренматта, я был уверен, что смогу изобличить в преступлении и заставить раскаяться в нем любого человека, но то, что возможно в романе или в пьесе, невыполнимо в реальной жизни. Женщины, с которыми я сближался на этом проклятом кладбище, сознавались в изменах, но никогда не раскаивались в них, считая себя жертвой обстоятельств. Не могу объяснить, почему их раскаяние было для меня настолько важным. Может быть, я и вправду сумасшедший?

Бреду по улице, ведущей к просторному жилому массиву, поглотившему четверть городского населения. Старый свитер под моим плащом испорчен, но не безнадежно: дырку можно заштопать, а кровь – отстирать. Возможно ли то же самое проделать с моей душой? Ответ, боюсь, окажется отрицательным.

Середина безликого квартала в безликой части города. Я вновь возвращаюсь домой, в пустоту и разочарование холодной квартиры. Справа – унылые пятиэтажки, разделенные палисадниками. Со свистящим гудением проносится троллейбус, за ним неспешно тянется оранжевый мусоровоз. Иду усталой походкой, с трудом перешагивая через лужи. Порывы ветра срывают капли воды с кленов, растущих у дороги, и швыряют мне в лицо. Эта вода смешивается с соленой влагой, текущей из моих глаз.

Дождь окончательно иссяк, но, возможно, завтра он возобновится.

2

Ты подходишь к дому, пересекая двор по диагонали, но, завидев еще издали знакомую белую машину, понимаешь, что начинаются неприятности. Сидящий за рулем грузный мужчина в штатском производит обманчивое впечатление: он внимательно наблюдает за тобой, расплывшись в улыбке, но нет ни малейших сомнений, что улыбка его – маска сатира, за которой скрывается ненависть. Ты даже не пытаешься проскользнуть мимо, потому что научен уже горьким опытом, доказывающим бесполезность подобных усилий, и не спеша – почему не попытаться сохранить лицо в безнадежной ситуации?! – подходишь к автомобилю.

– Ну привет, привет! – В голосе звучит ласковая ирония, но взгляд безобидного с виду человека прокалывает сердце холодной стальной спицей. – Опять прогуливался под дождем?

– Прогуливался.

Я вежлив, поскольку знаю, что вспыльчивого собеседника лучше не злить. Скрывать улики, если они очевидны, смысла нет, и я распахиваю полы плаща так, чтобы кровавое пятно на свитере бросалось в глаза.

– Ладно, садись, что мы тут церемонии разводим! – вздох-

нув, предлагает мужчина. – Поедем к медикам.

В пути не произносим ни слова: дорога, скользкая после дождя, требует от водителя, мчащегося с нарушением всех правил, предельной концентрации внимания, а мне вообще не о чем говорить. В кабинет хирурга проходим, минуя приемный покой, и дородная женщина-врач при виде нас, как всегда, всплескивает руками.

– Что, опять?! Да когда ж ты, голубчик, уже утомонишься?

Глядит она по очереди то на одного, то на другого, и непонятно, к кому именно обращается. Ловко отодрав наклейку, обрабатывает рану, затем стягивает ее шелковой нитью.

– Ничего нового? – интересуется мой спутник.

– Все как обычно. Рана не глубокая, но какое-то количество крови он, конечно, потерял. Сейчас сделаем укол от столбняка, а потом пусть полежит денек, отдохнет.

Сыворотку вкалывает медсестра, она же наклеивает повязку. Из городской больницы направляемся напрямиком в психдиспансер, благо идти недалеко. В отделении только медсестры, но доктор появляется на удивление быстро. Вижу его впервые. Врач молод и, как мне кажется, горит желанием выслужиться. Мой конвоир объясняет:

– Очередная попытка суицида. Судя по количеству шрамов, это уже шестой случай. Где Петр Петрович?

– Заведующий в отпуске, будет через неделю. А мне вы не доверяете?

– Тут особый случай.

– Знаю, он рассказывал.

– Нельзя ли парня оставить до завтра? Нет смысла отправлять его в отделение – состав преступления отсутствует, – но и отпустить нельзя – еще наложит на себя руки!

– Вы же знаете, что без согласия больного мы ничего не можем! – тонко улыбается доктор.

– А согласие он даст, не сомневайтесь! – так же тонко улыбается в ответ мужчина, от настроения которого зависит количество синяков на моем теле.

Поскольку злить его обходится себе дороже, я с готовностью подтверждаю:

– Без проблем!

Однажды, в начале нашего знакомства, меня угораздило в подобной ситуации послать его подальше, и всего за пять минут с помощью короткой резиновой дубинки он сумел преподать мне урок, запомнившийся на всю жизнь. Я не наступаю на одни грабли дважды и с тех пор никогда не спорю с этим человеком, являющимся, по сути своей, моим злым гением. Хотя, может быть, злым гением он считает меня.

Он забирает мою одежду, включая нижнее белье, и лечь в постель приходится в полинявшем от бесчисленных стирок тряпье, хорошо хоть чистом.

А наутро мы встречаемся вновь, и скрытое торжество в его глазах плохо вяжется с выражением усталости. Начинает он, впрочем, бодро:

– Экспертизу, как ты понимаешь, сделали мне в два счета.

Следов на одежде хватает. Ну, рассказывай, кого ты трахнул!

– Мое личное дело! – отвечаю с достоинством.

Иного ответа он и не ждет, потому смотрит на меня с ухмылкой. В который раз мы играем в эту предельно простую игру, и ему, как человеку, в своем ремесле искусенному, абсолютно ясно, что добровольно я колотиться не буду.

– Ладно, дело твое! – соглашается он и переводит взгляд на доктора, перебирающего бумаги на столе. – А что вы скажете?

– Пока ничего. Но случай, бесспорно, не совсем обычный. Хотелось бы знать о пациенте больше, я ведь с ним практически не знаком.

– Парень – психопат, но, если верить медицинскому заключению, вроде бы пришел в норму. Поскольку лично я не сомневаюсь, что психопаты неизлечимы, то стараюсь за ним приглядывать.

– А как он вообще попал в поле вашего зрения?

– Год назад у него загноилась очередная рана, пришлось обратиться к хирургу. Женщина попала на редкость толковая, обратила внимание на предыдущие порезы.

– И, конечно, настучала куда следует?

– Это ее гражданский долг – сухо заметил задержавший меня человек. – С тех пор парень у нас на примете.

– Что же вам удалось обнаружить?

– Интересную закономерность. Я задерживал его несколько раз и ранее, и в двух случаях обнаруживал порезы на теле.

– В чем же здесь закономерность? – интересуется врач с улыбкой.

– Ранам обязательно сопутствуют следы спермы на одежде, причем в совокупности с женским секретом.

– Хотите сказать, что он специально наносит себе рану перед близостью с женщиной? – Улыбка доктора становится недоверчивой. – Новый вид извращения?

– Эксперты утверждают, что он режет себя исключительно после сексуального контакта. И еще одна странность: это всегда происходит в выходной день, причем только если идет дождь. Что скажете, доктор?

– Как я понимаю, раны, нанесенные себе вашим подследственным, опасности для жизни не представляют?

– Нет, они носят символический характер.

– Видите, вы сами использовали это слово. Появляется соблазн представить его действие именно как символический акт. Парень наказывает себя за близость с женщиной. Он может ее ненавидеть или, наоборот, любить, но в каждом из этих случаев возникает своя мотивация для того, чтобы всадить в себя лезвие. К счастью, он отдает отчет в том, что делает, и не наносит себе серьезного увечья. Таким образом, нет речи о неосознанном стремлении к суициду. Согласитесь, если признаки неконтролируемого истерического состояния отсутствуют, трудно говорить о том, что человек психически болен. Скорее всего, он в состоянии собой управлять.

– Хотите сказать, у него нет психических отклонений.

– Отклонения встречаются у множества людей, но их нельзя считать сумасшедшими в общепринятом смысле. – Доктор разводит руками, показывая, что ничем не может помочь.

– Тогда зачем он это делает? – раздраженно интересуется страж порядка, теряющий почву под ногами.

– На этот вопрос должен отвечать не психиатр, а психоаналитик! – пояснил врач. – Но психоанализ вам мало что даст. Даже если вы получите согласие пациента на лечение, психотерапевт не раскроет содержание своих с ним бесед, хотя теоретически – в определенных случаях – все же может помочь пациенту избавиться от его проблем.

– А вот Петр Петрович никогда не давал мне совета обратиться к психоаналитику! – недовольно замечает мужчина, мечтающий отправить меня в каталажку.

– Он не верит в психоанализ! – соглашается врач. – Все дело в возрасте. У Петра Петровича была другая школа.

– Мне уже можно идти? – спрашиваю я, стараясь скрыть издевку.

Тягостное молчание подтверждает, что ситуация зашла в тупик, а значит, я скоро попаду домой. Но доктор подводит меня: порывшись в ящике стола, он находит визитную карточку и протягивает моему спутнику.

– Вот, возьмите. В клинике доктора Левина разработали новую методику психотерапии. Говорят, она весьма эффек-

тивна.

– Что за бред! – Мой злой гений держит визитку в руках, вновь перечитывая текст. – Как это понять – «Сны на заказ»?

– Откуда мне знать? – отзывается врач. – Я пока их услугами не пользовался. Но репутация у доктора Левина отменная.

Кофе – замечательный напиток, если он приготовлен из грамотно прожаренных зерен элитного сорта, а в ресторанчике, где мы сидим, другого, похоже, не держат. Аромат, исходящий из чашки, приносит освобождение, и впервые за последние сутки я ощущаю не усталость, а умиротворение. Мой злой гений – здесь он постоянный клиент! – пьет водку, что в его положении, наверное, оправданно. Мы сидим друг против друга в полупустом зале, в прохладном воздухе которого стынет мелодия джазовой пьесы, и меня не покидает чувство, что мы и опасны, и вместе с тем нужны друг другу, как коты и крысы, обитающие на отвале одной и той же помойной ямы. Не могу удержаться, чтобы не озвучить эту мысль:

– Мне кажется, без меня ваша жизнь потеряет смысл.

– Нет, – отвечает он. – Не смысл – его вообще в жизни нет! – а остроту. Острота – главный мотив существования.

– Возможно, – соглашаюсь я. – Не потому ли вы меня сюда привели?

Он пристально оглядывает зал, словно выискивая спря-

тавших в засаде врагов, потом произносит с деланным равнодушием:

– На тебя мне сугубо начхать. Дело в тех женщинах, которых ты насилуешь.

– С чего вы это взяли? Я – не насильник.

– Перечитай свое дело. Ты ведь чуть не убил несчастную девочку только за то, что она дала тебе от ворот поворот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.